

Андрей Лазарчук
Пилот
(по мотивам телесериала
«Секретные материалы»)

Я обнаружил, что если усиленно думать о Диснейленде, то эрекцию довольно успешно можно подавить.

Специальный агент Дейл Купер

*Над селом фигня летала
Серебристого металла.
Много стало в наши дни
Неопознанной фигни.*

Из газет

1

Утром седьмого марта тысяча девятьсот девяносто второго года аэропорт Ла Гардия города Вашингтон, федеральный округ Колумбия, Соединенные Штаты Америки, планета Земля, был закрыт часа на два из-за сильных гроз, прилетающих из-за залива — отголосков ушедшего

обратно в океан и дальше на юг тайфуна «Дэйна». Как всегда в таких случаях, недовольные пассажиры нервно наполнили собой многочисленные закусочные и рестораны аэропорта, пытаясь хоть чем-то оправдать создавшуюся паузу в неизменно поступательном движении своих обожаемых тел.

Семья Хойнинген: папа, мама, две дочки, одиннадцати и тринадцати лет, и пудель Спарк — расположились за угловым столиком у окна, выходящего на автостоянку. Папу Хойнингена звали Альфонс, но на дамского угодника он был похож меньше всего: грубоватая бугристая физиономия с маленькими глазками, редкие волосы, почти полное отсутствие шеи, круглое толстое пузико... Мама Хойнинген, по имени Стелла, заметно на него походила — разве что с поправкой на обычные половые различия и некоторую облагороженность черт, так или иначе присущую женщинам. Оба они были американцами в третьем поколении, внуками эмигрантов, предусмотрительно бежавших от Гитлера еще до прихода того к власти, но при этом почему-то все равно оставались подлинными немцами (не прилагая к тому ни малейших усилий) и выделялись в любой толпе, как всегда чем-то неуловимым выделяются немцы. И девочки их, хором влюбленные в Билли Криспа, и даже собака

— были стопроцентно немецкими; и мисс (фрау?) Хойнинген с некоторой тревогой замечала, что девочки понемногу становятся даже не немками ее памяти и воображения, а немками глуповатых голливудских фильмов...

Это не давало ей покоя последнее время, хотя настоящих причин своего беспокойства она не понимала.

И от этого непонимания беспокоилась еще сильнее.

Внимание ее постепенно привлекла пара, сидящая за соседним столиком. Вот, раздраженно подумала она, явно ведь «зеленые», а как держатся!.. Если бы ее спросили, почему она решила, что парочка эта является обладателями «зеленых карт», она бы не ответила. Какая-то чуждость? Европейская элегантность? Может быть... Да нет — просто так... интуиция. Настоящая хорошая немецкая интуиция.

Интуиция в данном случае дала сбой, но мисс Хойнинген этого не знала.

— Глазеешь на этих проклятых недоумков? — спросил ее папа Хойнинген. Она не сразу поняла, о ком речь.

А, вот в чем дело! За следующим столиком уместилась компания из пяти человек: явные ньюйоркцы. Лысые мальчики и седеющие по краям девочки. В майках и тайваньских тапочках. Они

подкатили к аэропорту в помятом фургоне, разрисованном пятнами зимнего камуфляжа «Люфтваффе», на одном боку которого было написано: «Путешествие в поисках Америки», а на другом: «Пацан, люби революцию!» И сейчас один из этих любителей революции, бородастый и лысый, приподнявшись над столом на волосатых веснушчатых кулаках, громыхал приглушенно:

— Ты ничего не понимаешь в людях, Маленькая Анаконда! Человека можно — и нужно! — читать вдоль и поперек, как простой старый вонючий папирусный долбанный свиток! А любое проклятое долбанное чтиво, которое можно читать, можно и писать — даже левой ногой! Да больше того — все, что можно читать, было когда-то кем-то написано...

—левой ногой, — отвечала сидящая спиной к Хойнингенам женщина в голубой трикотажной майке. Волосы ее были обрезаны коротко и грубо, вокруг тощей шеи обернут шерстяной коричневый шарф, вельветовая куртка цвета хаки небрежно брошена поперек колен. — Ты успокойся, масса Кот. Никто ведь из нас не подвергает сомнению твои жизненные принципы...

— Нет, ты подвергаешь. И не в том дело, что сомнению, а в том, что нагло. Подвергать все сомнению учили нас наши учителя, и в первую очередь мы, как прилежные ученики, подвергли

сомнению их — и что получили? Четыре кучки зеленого дерьма! Так кто мы все после этого — долбаные последователи или долбаные ренегаты? Официант, где наконец этот официант?!

Официант, который как раз принес заказ семьи Хойнинген — салаты и йогурты для всех, исключая пуделя, — задумчиво посмотрел в ту сторону.

— Они вам мешают? — спросил он папу Хойнингена.

— Они мне мешают, но вызывать полицию я вас все равно не попрошу, — сказал мистер Хойнинген, кося глазами в сторону шумных спорщиков. — Мы живем в свободной стране...

Тем временем младшая дочка, Марта, наклонилась к уху сестры и прошептала:

— Видишь нашего соседа? Рядом с этой блондинкой? У него под пиджаком пистолет.

Сестра присмотрелась и кивнула:

— Может быть, он хочет угнать самолет к Кастро?

— Зачем?

— Кастро нужны самолеты.

— Тогда не будем мешать. Когда еще попадешь на Кубу? А посмотреть интересно...

Семья летела в Майями: загорать, купаться и ловить рыбу и лобстеров.

Официант принес заказ парочки с пистолетом:

индейку ей и буженину под яйцом ему.

— Хорошо, — сказала Маленькая Анаконда, наваливаясь ничем не стесненной грудью на столик и наставляя на массу Кота палец; под короткими ногтями у нее были темные полосы. — Ты меня почти убедил. И все же — проведем опыт. Вот люди, которых ты не знаешь. Ты утверждаешь, что уже пассивно получил от них достаточно информации для того, чтобы сделать все выводы. Потом мы их спросим, угадал ли ты. Заключаем пари?

— Десять против трех, — сказал масса Кот, которого на самом деле звали Питер Хайли, а известность он получил как Питер «Ред» Стоун, борец за свободу животных, содержащихся в зоопарках. Взять псевдоним его вынудили нестандартные жизненные обстоятельства. — Вот эти, да? Рядом?

— Угу, — кивнула Маленькая Анаконда, Чарлиан Маккаби, довольно известная художница-керамистка. Это она улетала сейчас в Калифорнию, а компания ее провожала. Все они были бывшие одноклассники, чудом сохранившие школьную дружбу: адвокат Памела Бейдер, средней руки предприниматель Ник Лиаракос и программист Перси Даббер. Вот ведь совсем недавно они протестовали против войны во Вьетнаме, курили марихуану и совершали

сексуальную революцию. Теперь, пожалуй, только Питер сохранил верность тем идеалам, и это казалось уже немного несерьезным. Впрочем, друзья относились к нему с пониманием. В конце концов, не так много их осталось, друзей. Остальных разбросало и рассеяло по жизни, как осколки медленного взрыва какого-то мирового фугаса...

Иногда оставшимся казалось, что это странно. Иногда — что странно то, что они четверо еще держатся вместе.

Если посмотреть сверху на то, по каким траекториям движутся человеческие судьбы, то сначала возникнет впечатление полнейшего хаоса, потом — полнейшей упорядоченности, и наконец, когда видишь все изгибы пути, неизбежно приходишь к выводу о странном единстве хаоса и порядка — и даже не просто единстве, а о полнейшей их неразличимости с определенной точки зрения...

— Так, — масса Кот «Ред» Стоун без тени смущения уставился на соседей. — Женаты лет десять или любовники с таким же стажем. Детей нет. Он, скорее всего, служит в хорошем банке или крупной компании, но не на высокой должности. Среднее звено: хороший исполнитель, не более того. Надежен, неинициативен, в меру честен. Сонный взгляд, смазанные черты лица говорят о

том, что в работе ему требуется усидчивость и аккуратность, а не быстрота и решительность. Дорогой костюм, но сидит не слишком хорошо, пиджак на полразмера больше, чем требуется. Она, скорее всего, рекламный агент; пыталась стать фотомodelью или манекенщицей, не получилось, нашла свою нишу; добилась кой-какого успеха. Зарабатывает раза в два больше, чем он. Неплохой художественный вкус. Пытается быть уверенной всегда и во всем, хотя в глубине души растеряна. Очень упряма, недоверчива, ревнива. Возможно, что она немного старше него, но тщательно следит за собой. По крайней мере, волосы она красила вчера...

Обсуждаемая женщина, сидящая к «Реду» Стоуну спиной, подавила желание обернуться. Это неначатое даже движение было им замечено. Мужчина отложил нож и вилку, снял салфетку и беззвучно трижды хлопнул в ладоши. На лице его возникла веселая улыбка — на полсекунды, не более. Тогда женщина все же оглянулась.

— Я прав? — громко осведомился масса Кот.

— Потрясающе! — сказал мужчина. — Вам нужно работать в ФБР. Такие таланты не должны пропадать втуне.

— Трахал я ФБР, — сказал масса Кот.

— Это вы зря, — сказала женщина. Взгляд ее выражал некоторое недоверие. — Не сомневаюсь,

что вы подхватили кое-что неприличное.

Чарлиан подумала, что Стоун ошибся: женщина казалась очень молодой. Какие там десять лет супружества... Ей всего-то года двадцать четыре. Ну, двадцать шесть. И блондинка она явно натуральная. Слегка горбоносая блондинка с темными бровями...

Стоун действительно ошибся, но тем не менее выигрыш получил и спрятал в карман, поскольку соседи согласились признать его версию абсолютно правильной. Просто так, для удобства.

Всегда ли следует возражать добросовестно заблуждающемуся? На этот счет могут существовать различные мнения.

Мужчина с сонными глазами был отнюдь не банковским клерком, а специальным агентом ФБР по имени Фокс Малдер, одним из самых перспективных аналитиков Бюро, номер удостоверения JTT047101111, рост шесть футов один дюйм, вес сто семьдесят восемь фунтов, волосы каштановые, глаза зеленые.

Дата рождения: 13 октября 1961 г.

Место рождения: Чилмарк, штат Массачусетс.

Место жительства: Александрия, штат Вирджиния (двенадцать миль от Вашингтона).

Холост.

Образование: Оксфордский университет, степень бакалавра психологии; академия ФБР в

Куантико.

Публикация: монография «О серийных убийствах и оккультизме» (1988 г), статья в журнале «Омни», опубликованная под псевдонимом М. Ф. Алде, (1991).

Кличка: Призрак Личное оружие: автоматический пистолет «Smith amp;Wesson M1056», — в настоящий момент находился действительно в замшевой наплечной кобуре под полой немного мешковатого, но тем не менее элегантного пиджака.

В записной книжке (потертая обложка из твердой коричневой кожи) у него было записано: «Сотни тысяч леммингов не могут быть не правы». И немного дальше: «Здравый смысл, и это великолепно знают лемминги, имеет свои пределы».

Почему-то именно лемминги занимали его мысли долгие подростковые годы...

В возрасте от тринадцати до пятнадцати лет он дважды пытался покончить с собой, но без должной решительности. И в этот же период сделал яркую карьеру в бойскаутах, став самым молодым «орлом» в отряде. Никто бы не подумал, увидев его днем, что этот строгий, подтянутый и решительный юноша плачет ночами...

Соседка не была ни его женой (что уже ясно из досье), ни любовницей, и вообще сегодня они

виделись всего лишь второй раз в жизни — хотя до этого довольно много слышали друг о друге.

Агент Дэйна Скалли. Рост пять футов семь дюймов, вес сто двадцать два фунта. Цвет волос светло-рыжий, цвет глаз карий.

Дата рождения: 18 сентября 1966 года.

Место рождения: Уолсо, штат Вирджиния.

Место жительства: Арлингтон, штат Вирджиния.

Образование: медицинский колледж в Куантико, академия ФБР там же. Бакалавр медицины. Увлекалась физикой, курсовая работа: ««Парадокс близнецов» Эйнштейна, новая интерпретация» была опубликована в сборнике лучших студенческих работ. Последние два года учебы в колледже совмещала с внештатной работой в ФБР, по окончании колледжа отказалась от врачебной практики, окончила Академию ФБР и перешла на штатную работу.

Личное оружие: Colt MkIV/80. Спрятан в изящной и строгой сумочке, лежащей на коленях...

Хороший стрелок, особенно при стрельбе из нестандартных позиций и при скоростной стрельбе.

Семейство Хойнинген, тихо возмущенное вызывающей бестактностью ньюйоркцев, призывающих любить революцию, покончило с завтраком и уже намеревалось демонстративно удалиться, когда под потолком невидимая рука

перебрала нежные струны арфы и не менее нежный голос объявил, что начинается прерванная ранее посадка на рейсы... последовало перечисление, все стали прислушиваться, многие торопливо поднимались со своих мест, махали официантам... в общем, аэропорт будто делал первый вдох после долгой вынужденной остановки дыхания.

И все мимолетные знакомцы пропали друг для друга, разнесенные навсегда.

Через полчаса заполненный едва ли на треть «Боинг-727» нес Скалли и Малдера строго на запад, в город Салем, известный всему миру давними процессами над ведьмами и средней паршивости сигаретами, а также романом и фильмом о жутких вампирах.

Настоящие же, невыдуманные, события, происходящие неподалеку — в шестидесяти милях на северо-запад от Салема, в небольшом и не очень посещаемом национальном парке Коллум — особо ни газетчиков, ни прочих любителей горяченького не заинтересовали (хотя и были отмечены вскользь), однако ФБР почему-то отнесло их к разряду секретных и тем самым неизбежно ввело в поле зрения специального агента Фокса Малдера.

Ибо Фокс Малдер занимался именно секретными материалами. «Секретными материалами». «СМ».

Ровно сутки назад: Дэйна Скалли толкнула дверь и второй раз в жизни шагнула в кабинет Скотта Блевинса, начальника Службы Профессиональной Пригодности ФБР. Она испытывала нечто среднее между легкой тревогой и эмоциональным подъемом, хотя никакого особого почтения к начальникам прежде за собой не замечала. Просто... просто... просто... Как-то не слишком обычно была сформулировала эта простая просьба: прибыть для собеседования. Скалли никогда раньше не получала подобных просьб и потому не могла бы сказать, что она обнаружила в ней необычного и как именно положено таким приглашениям звучать, но...

В общем, она чувствовала в груди стеснение, какую-то нарастающую неясную и безотчетную тревогу.

Именно безотчетную. Она знала за собой это свойство: чувствовать, что близятся неприятности. Иногда она жалела, что не может определять их природу и масштаб.

Тревога усилилась скачком (вплоть до промелька мысли: «Ой, мамочка, а я, похоже, дала маху, когда завербовалась...»), когда Скалли, войдя, почувствовала смешанный запах одеколona «Драккар» и табачного дыма. Если бы она верила в

предчувствия, то решила бы, что ей сигналият из будущего; но Скалли верила в биохимию и нейрофизиологию, а потому решила, что это, скорее всего, какая-то подавленная ассоциация, связанная с ранним детством, и что можно напрячься и вспомнить подобное сочетание запахов и ту неприятность, что с нею связана.

Кроме Блевинса, в кабинете было еще два человека, ей незнакомых: один, полный, в очках, — сидел возле стола, лицом к вошедшей, и что-то читал; второй, пожилой и поджарый, с лицом мужественным и простым, курил у окна, озирая пейзаж сквозь жалюзи.

В этой картине явно чего-то недоставало.

— Агент Скалли, — заглаженно, как бы в десятый раз за последние полчаса, сказал Блевинс, — я благодарен вам за то, что вы явились по первому приглашению. Присаживайтесь.

Интересно, а как могло бы выглядеть, скажем, третье приглашение, если первые два агентом проигнорированы?.. — мельком подумала Скалли, усаживаясь на неудобный стул с короткой прямой спинкой.

— Итак, к делу. Вы с нами уже два года, окончили медицинский колледж, от практики отказались... Кстати, почему?

— Я считаю, что могу сделать в ФБР лучшую карьеру. Хотя родители и полагают, что это такая

форма молодежного бунта... — Скалли чуть улыбнулась.

— Понятно. Вы знаете специального агента Фокса Малдера?

— Да.

— Откуда? — спросил, наклоняясь чуть вперед, сидящий толстяк.

— Правильнее сказать, я слышала о нем, — выделила голосом Скалли, — хотя лично не знакома. У него хорошая репутация. Окончил Оксфорд, доктор психологии — защитился в семьдесят восьмом году, — имеет монографию о связи оккультизма и серийных убийств, благодаря которой, кажется, смогли арестовать опасного маньяка. Считается лучшим аналитиком в делах, связанных с насильственными преступлениями... В Академии у него была кличка «Призрак». Кажется, все.

Сидящие переглянулись.

— Вы знаете, что Малдер сейчас бесцельно тратит свое время, работая над проектом, который не одобряется руководством и лежит в стороне от основного потока событий? — спросил Блевинс.

— Так называемые «Секретные материалы», — подсказал толстяк.

— Это что-то связанное с паранормальными явлениями? — решила уточнить Скалли.

— Да. Можно сказать и так. Агент Скалли, мы

решили направить вас на помощь к Малдеру, — продолжал Блевинс. — Вы будете оценивать ход расследований и докладывать непосредственно мне...

Скалли вдруг ощутила на своей щеке пристальный взгляд того, кто стоял у окна. Он уже не курил и не озирали пейзаж. Он смотрел на нее остро и жестко. И ей захотелось моргнуть, или повернуть голову, или как-то еще защититься от этого взгляда — но она не моргнула и продолжала сидеть прямо.

Вот оно, подумалось ей.

— Вы хотите, чтобы я... стучала на проект «Секретные материалы»? — спросила она ровным голосом.

— Мы хотим, чтобы вы подвергли проект тщательному научному анализу, — сказал Блевинс, и Скалли вдруг показалось, что он незаметно ей подмигнул. — За время вашего сотрудничества с Бюро мы, бумажные черви, составляли ваш психологический портрет. Мы знаем, что у вас не по-женски логичный и строгий ум, признающий лишь весомые факты. Вас невероятно трудно в чем-то убедить словами. Вы готовы вкладывать персты в раны... Кроме того, ваша психиатрическая подготовка тоже поможет вам сориентироваться, где мы имеем дело с фактом природы, а где с причудой сознания. Как раз такой человек нам

нужен, чтобы оценить степень актуальности в работе по «СМ». А сейчас я прошу вас спуститься в подвал для знакомства со специальным агентом Малдером. Мы ждем от вас первый доклад в ближайшие дни.

3

В подвал, где обосновался Малдер, ходил только грузовой лифт с раздвижной решетчатой дверью, исцарапанной до белого металла в пяти дюймах от пола. Ручные тележки... На стенку кабины лифта кто-то неровно приклеил стикер с эмблемой «Охотников за привидениями».

В лифте пахло формалином.

Можно было подумать, что лифт везет ее напрямиком в хранилище расчлененных трупов...

Стены тускло освещенного коридора были выкрашены темно-зеленой краской и уже одним этим напоминали декорации фильма ужасов. Вдоль стен тянулись стеллажи, уставленные картотечными ящиками. За поворотом в тупике почти светилась голубая дверь, до странности похожая на дверь холодильной камеры. Скалли постучала и потянула за ручку. Дверь открылась легко.

Если бы оттуда вылетела стая летучих мышей, она не удивилась бы.

В помещении было полутемно. Горела настольная лампа, бросая свет на крышку стола, заваленного старообразными канцелярскими папками, и светился матерчатый экран, на который падал луч слайдоскопа.

На экране был какой-то лесной пейзаж.

— Входите! — из мрака улыбкой вперед вынырнул высокий молодой человек. — Хотя вы здесь все равно никого не найдете, кроме одного изгоя и отшельника.

— Здравствуйте, — сказала Скалли, протягивая руку. — Я — Дэйна Скалли, и меня направили к вам в качестве напарника.

— Ого! — сказал Малдер. — За что же такая честь? Вы что-то натворили? Или тоже увлекаетесь всем этим?

Он пожал ее руку и одновременно другой рукой зажег свет, и стало видно, что свободные от стеллажей и тяжелых шкафов участки стен завешаны увеличенными фотографиями того, что мало кто принимает всерьез и что пренебрежительно именуется «летающими тарелками», хотя по виду это больше напоминает унесенные ветром соломенные шляпы; посередине висел солидных размеров плакат с аналогичным изображением и проникновенными словами: «Я хочу верить».

И что — вот это все... всерьез?..

— Я... — Скалли вдруг стало неловко. — Я много слышала о вас и попросилась...

— Наверное, вас прислали шпионить, — беспечно махнул рукой Малдер.

— Вам не нравлюсь я сама? — тут же ощетинилась Скалли. — Или мои документы?

— Ну, что вы! Документы великолепны! Дэйна Скалли, бакалавр медицины, курсовая работа по физике о «парадоксе близнецов»...

— Очень мило. Вы читали? — она удивилась по-настоящему.

— Да, и мне понравилось. Беда только в том, что здесь нам физика вряд ли пригодится...

Голос его зазвучал странно, и Скалли насторожилась. Малдер тем временем вновь погасил свет, подошел к слайдоскопу и щелкнул обоймой.

На экране тут же появился труп. Накрытый простыней. Ну, естественно, вздохнула про себя Скалли.

Несмотря на всю медицинскую подготовку, она продолжала достаточно эмоционально относиться к тому, что люди иногда умирают.

— Вот. Загадка для вас как для медика. Женщина из Орегона. Двадцать лет. Найдена мертвой в лесу. Причина смерти не установлена. Хуже того: причины смерти как бы и нет вообще. Все системы жизнедеятельности без малейших

повреждений: сердце, легкие, кровь, мозг... Есть ведь, кажется, у патологоанатомов такое понятие: необъяснимая смерть? Единственное, что удалось найти — это вот...

Изображение сменилось, на экране появился участок кожи — поясница, догадалась Скалли, — с двумя маленькими, четверть дюйма в диаметре, волдырями.

— Что бы это могло быть? — спросил Малдер.

— Ну... — Скалли присмотрелась. На укусы насекомых это не слишком похоже, поскольку волдыри от укусов обычно обескровленные, бледные, а эти, напротив, гиперемированные. Примерно такие же следы оставляют пиявки, но там в центре виден отчетливый прокус от челюстей. Впрочем, число тварей, жадных до человека, стремится к бесконечности... — Я бы сказала, что это следы присосок... или точечные глубокие ожоги — как при электрошоке...

— Так... Точечные ожоги... интересно. А с химией у вас какие отношения?

Изображение сменилось опять, но теперь это была некая структурная формула. Скалли присмотрелась. Полимерная цепочка, азот-углерод, так...

— А вот эти радикалы — это что?

— Аминокислоты. Разные. Двадцать две —

входящие в известные нам белки, и четыре — совершенно посторонние.

— Чрезвычайно странная конструкция... — Скалли задумалась.

— Химики просто сказали, что такой молекулы существовать не может. Хотя они же и выделили ее из тканей, окружающих те отметины.

— Она была в труп?

— Да. Очень локально, в очень небольших количествах... и не в труп — в нескольких трупах. Вот... — изображение сменилось, — это — мужчина в штате Южная Дакота, а это — Шемрок, Техас, девочка...

Труп с двумя отметинами. И еще труп с двумя отметинами...

— И у вас есть предположения?..

— О, предположений у меня множество, — невесело усмехнулся Малдер. — Больше, чем хотелось бы, и гораздо больше, чем нужно. Одно мне по-настоящему неясно... и, может быть, вы сумеете мне объяснить, почему политикой Бюро стало относить все подобные случаи к разряду необъяснимых явлений и тем самым ставить жирный крест на их расследовании? Вы верите в существование вездешных цивилизаций? — спросил он без всякого перехода.

Скалли беззвучно кашлянула. Так. Началось. Собраться с мыслями...